

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.3.3
EDN: ETTQNP

И.О. ГОРЮНОВ¹, З.Е. ДОРОФЕЕВА²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В РОССИИ (2003–2024 гг.)¹

Аннотация. В статье анализируются динамика и особенности социально-экономического статуса интернет-пользователей в России в период с 2003 по 2024 г. на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ. Цель исследования — оценка, в какой степени конкретные показатели социально-экономического статуса объясняют использование Интернета индивидом, а также того, как эта взаимосвязь менялась за рассматриваемый период. Для целей исследования интернет-пользователи были разделены на когорты в зависимости от периода, в котором они впервые стали использовать Интернет. Особое внимание уделяется роли образования, профессиональной квалификации и уровню дохода как факторов, объясняющих факт использования Интернета. Показано, что представители первой когорты интернет-пользователей отличаются более высоким уровнем образования и профессиональной квалификации по сравнению с остальными когортами, тогда как различия в доходах между когортами выражены слабее. Выявлено существование внутри первой когорты индивидов, которые использовали Интернет наиболее универсально, а также характеризовались более высокими показателями социально-экономического статуса. Результаты показывают, что влияние социально-экономического статуса на использование Интернета со временем ослабевает: если в 2000-х гг. факторы образования, профессиональной квалификации и дохода сильно объясняли использование Интернета, то по мере его распространения в России данные связи становились менее выраженными и приобретали более сложный характер.

Ключевые слова: социально-экономический статус; интернет-пользователи в России; цифровое неравенство; когортный анализ; РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Горюнов И.О., Дорофеева З.Е. Динамика и особенности социально-экономического статуса интернет-пользователей в России (2003–2024 гг.) // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 3. С. 55–77. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.3.3 EDN: ETTQNP

¹ В статье использованы результаты проекта HSE-MS-2025-007, выполненного в НИУ ВШЭ.

Введение

В России и в мире цифровизация общества и повседневных практик развивается высокими темпами, что сопровождается повышением исследовательского интереса к связанным с ней социальным изменениям. Одним из ключевых направлений современных исследований является анализ трансформаций социальных процессов и социальной структуры в условиях цифровизации.

Существует множество исследовательских подходов, на базе которых разработаны международные индексы и оценки, свидетельствующие об уровне цифровизации и проникновения Интернета в конкретной стране. В России к концу 2025 г., по оценкам отчета Digital 2026, насчитывалось 94,4% интернет-пользователей². О доступности и распространенности Интернета в России также свидетельствуют данные Международного союза электросвязи (МСЭ)³. Согласно данным МСЭ, Россия занимает 22-е место из 194 стран в мире по дешевизне интернет-услуг (показатель *fixed broadband basket* — пакет услуг широкополосного Интернета с объемом трафика более 5 гигабайт в месяц). Для России этот показатель в 2025 г. составил 6,41 долл. в месяц, или 0,53% от валового национального дохода на душу населения. Для сравнения: самый дорогой Интернет зафиксирован на Британских Виргинских островах (121 долл.), а самый дешевый — в Иране (0,55 долл.). Исследователи сегодня сходятся во мнении, что Интернет в России становится все более доступным для все большего количества разных социальных групп во всех сферах, включая социальную сферу, образование, здравоохранение и др. [6].

Однако такая «цифровая зрелость» в России наблюдается лишь в последние годы, особенно начиная с пандемийного периода. Важно отметить, что история развития Интернета в России проходит через много этапов, когда Интернет не был доступен широкому кругу граждан. Во второй половине 1990-х гг. впервые был зарегистрирован домен .ru, появились первые отечественные браузеры Rambler, Яндекс, Mail.ru, а персональные компьютеры и позднее смартфоны становились все более распространенными среди индивидов и домохозяйств. Российские социологи наблюдают рост вовлеченности населения в использование Интернета и цифровых технологий: доля пользователей увеличилась с 25% в конце 2000-х гг. до 50% к 2012 г. и достигла примерно 75% к 2019 г. [10].

Мы обозначим некоторые отправные позиции, с которых рассматривается проблематика данной статьи. Во-первых, было установлено, что между показателями, характеризующими интернет-активность россиян (использование Интернета, цели его использования, пользование персональными компьютерами, планшетами, смартфонами и т. д.), и показателями, описывающими социально-экономический статус (уровни доходов, образования, профессиональная квалификация), существует значимая связь [3]. Во-вторых, были выявлены существенные различия между использующими Интернет в рабочих, образовательных, бытовых

² Kemp S. Digital 2026: The Russian Federation (Цифровые тенденции в Российской Федерации 2026) // DataReportal. 2025. — URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (дата обращения 10.02.2026).

³ International Telecommunication Union. ICT Prices. ITU Statistics. — URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/ICTprices/default.aspx#analyses> (дата обращения: 10.02.2026).

и досуговых целях. Эти различия обуславливаются в первую очередь показателями социально-экономического статуса: для группы пользователей, применяющих более продуктивные интернет-практики, характерна более высокая доля представителей с высокими уровнями дохода, образования и профессиональной квалификации [4]. В-третьих, были выявлены социально-демографические группы, которые в большей степени подвержены интернет-эксклюзии. К ним относятся, в частности, индивиды в возрасте от 65 лет, проживающие в сельской местности. Однако нам точно неизвестно, как сила этих взаимосвязей менялась со временем.

Далее рассмотрим некоторые теоретические основания исследования интернет-пользователей, а также актуальные позиции российских ученых в этом направлении. Эмпирическая часть работы построена на анализе уровня проникновения Интернета в России в динамике и выделении нескольких когорт интернет-пользователей на основании временного периода, в котором их представители впервые стали использовать Интернет.

Теоретические основания исследования интернет-пользователей

Исследованиям, посвященным использованию Интернета, предшествовала работа по теоретизации и осмыслению процессов цифровизации общества. Первыми о необходимости такой теоретизации заявили авторы концепции постиндустриального общества (Э. Тоффлер, Д. Белл) в контексте смен общественных формаций и ухода от индустриальной модели производства благ [1; 12]. В рамках социальной теории сложилась сетевая парадигма (Б. Уэллман, Х. Уайт, Б. Латур, М. Кастельс и др.), рассматривающая социальную структуру как систему отношений и связей между социальными акторами. В рамках данной парадигмы получили развитие сетевой анализ [15; 16] и акторно-сетевая теория [9], а также концепции сетевого общества и информационного общества, посвященные анализу социальных последствий распространения информационно-коммуникационных технологий [7; 8; 13; 14]. Несмотря на различия между указанными направлениями, их общей теоретико-методологической основой остается использование понятия «сети» для описания социальной структуры.

Если концепции сетевого и информационного общества объясняют трансформацию социальной структуры под влиянием цифровизации, то структуралистский конструктивизм П. Бурдьё позволяет рассматривать использование Интернета как разновидность социальной практики, обусловленной положением индивида в социальном пространстве и распределением различных форм капитала [2]. В этой перспективе различия интернет-практик могут быть связаны с неодинаковым объемом экономического, культурного и социального капитала пользователей.

В конце XX в. М. Кастельс писал: «Возникновение сетевого общества не может быть понято без взаимодействия между этими двумя относительно автономными тенденциями: развитием новых информационных технологий и попыткой старого общества перевооружиться, используя власть технологии на службе технологии власти» [8, с. 69]. В этой мысли заключен фундаментальный принцип, вокруг которого

М. Кастельс строит свою теорию. Не отвергая положения учения К. Маркса, Кастельс говорит, что капитализм как базис общественного устройства остается актуальным в наше время, однако на него накладывается новая надстройка — информационная революция, породившая новые информационные технологии и Интернет.

М. Кастельс называет сетевую структуру универсальной организационной структурой для всех видов коммуникации в социальных отношениях, а Интернет — «ключевой технологией информационной эпохи» [7, с. 8]. Так, теоретический проект Кастельса позволяет рассматривать интернет-пользователей не как совокупность индивидов, использующих определенную технологию, а как участников новой социальной структуры, в которой сетевые формы коммуникации становятся доминирующим способом организации социальных отношений.

В то же время в теории поднимаются вопросы о связях интернет-практик с теоретическими концепциями социальной структуры, социального действия и социального статуса. Например, в концепции информационного общества [14] (Ян ван Дейк) и в работах М. Кастельса [8] акцентируется, что информационные технологии в современном обществе стали основным социальным и экономическим ресурсом, благодаря которому индивиды могут улучшать свои статусные позиции. Если Кастельс анализирует прежде всего трансформацию социальной структуры, то Дейк сосредоточивается на особенностях использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Он отмечал, что использование ИКТ (таких как телевидение, телефон и Интернет) только в досуговых целях (без учета учебных и рабочих активностей) стало занимать большее количество времени в повседневности индивидов в развитых странах. Сравнивал транспортное и информационное конструирование мира: «Сети становятся нервной системой нашего общества, и можно ожидать, что эта инфраструктура окажет большее влияние на всю нашу социальную и личную жизнь, чем когда-то строительство дорог для перевозки товаров и людей» [14, р. 2].

Ян ван Дейк оперирует понятиями «информационное» и «сетевое» как характеризующими разные стороны новой действительности, при этом разграничивая информационное общество и сетевое общество. С его точки зрения, информационное общество описывает новые виды социальных практик в условиях цифровизации. Оно характеризуется, в частности, динамичным развитием информационной активности, высокими требованиями к уровню образования на рынке труда и ролью, которую играют средства массовой информации в формировании культуры. В рамках концепции информационного общества Дейка особенно интересует вопрос нового типа социального неравенства, которое он определяет как «цифровое неравенство» [13]. Он предлагает трехуровневую модель «цифрового неравенства»: наличие и качество доступа к Интернету; использование его (возможности, навыки, мотивация); преимущества, которые индивиды получают от пользования Интернетом. Можно сказать, что это универсальная модель типологизации интернет-пользователей. Таким образом, Дейк не исключает из фокуса внимания тезис о неравномерности глобализации сетевого общества (поддерживаемый М. Кастельсом) и о разных темпах цифровизации жизни в развитых и развивающихся странах.

Говоря о «сетевом», Дейк подразумевает, скорее, вопросы трансформации организационных форм и структуры (переход с микросоциологического на макро-социологический уровень). Кроме того, он типологизирует сети на физические

и органические, нейронные и социальные, медиа и технические, а также вводит проблематику дуальности иерархических и гетероиерархических структур (как у Кастельса — иерархические и сетевые системы) [14]. Именно в гетероиерархических структурах элементы одного уровня могут взаимодействовать между собой и с элементами других уровней без жесткой подчиненности. Отсутствие закрепления контроля в таких структурах обеспечивается за счет информационно-коммуникационных технологий и Интернета.

На основе изложенных теоретических позиций можно сделать вывод, что обозначенные подходы изучают социальные практики, обусловленные процессом цифровизации повседневности. На наш взгляд, теоретики «сетевого» общества формируют необходимую теоретическую и методологическую рамку (акцентируя внимание на цифровых технологиях и их институционализации) для исследования, например, интернет-практик с точки зрения индивидуальных особенностей в социальной структуре. Кроме обозначенных авторов, эту проблематику также разрабатывали М. Хардт, А. Негри, А. Бард, Я. Зодерквист, Р. Хассан [5], однако их работы остаются за пределами данного раздела ввиду ограниченности объема.

Возвращаясь к вопросу поиска связи между использованием Интернета и социально-экономическим статусом пользователей, отметим, что рассмотренные выше теоретические концепции не позволяют однозначно определить направление влияния между этими аспектами. Мы считаем данный вопрос дискуссионным и обозначим, что в настоящей статье будет исследоваться обратная связь: насколько конкретный социально-экономический статус объясняет использование Интернета индивидом.

Актуальные направления исследования интернет-пользователей в России

Сегодня интерес российских исследователей в направлении цифровизации повседневных практик охватывает широкий спектр тем — от межпоколенческих сравнений интернет-пользователей до изучения интернет-зависимости.

В монографии исследователей Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [6] подробно рассматриваются многие аспекты цифровизации повседневности: цифровые сервисы, социальные сети, онлайн-покупки, цифровая грамотность населения и другие. Оставляя за рамками настоящей статьи подробный обзор содержания данной работы, остановимся на некоторых интересующих нас аспектах. В контексте анализа социально-экономического статуса интернет-пользователей особый интерес представляют предложенные авторами индекс цифровизации повседневных практик и индекс цифровизации индивидов, позволяющие оценить степень включенности населения в цифровую среду. В 2024 г. среднее значение индекса цифровизации повседневных практик свидетельствовало об относительном паритете между аналоговыми и цифровыми формами жизнедеятельности россиян. При этом уровень цифровизации существенно варьировался в зависимости от сферы практик: он был значительно выше в области финансовых операций и ниже в сферах, связанных с физической активностью. В зависимости от применяемых критериев к группе с высоким уровнем цифровизации авторы

относят от 7 до 21% населения России. Существенное влияние на получаемые от использования Интернета выгоды оказывают уровень цифровых навыков и количество применяемых цифровых устройств, при этом в 2024 г. позитивные эффекты отмечали более 75% российских интернет-пользователей.

В.В. Радаев рассматривает границы между вовлеченностью в Интернет и зависимостью от него, анализируя межпоколенческие различия между миллениалами и зумерами в периоды их взросления [10]. Показано, что у более молодых поколений закономерно увеличивается время, затрачиваемое на использование Интернета. Однако сами цифровые инфраструктурные условия остаются относительно стабильными: доля обладания персональными компьютерами удерживается на уровне 65–70% начиная с 2011–2012 гг., что совпадает с этапом активного распространения мобильного Интернета. Данные результаты указывают, что межпоколенческие различия в интернет-практиках в большей степени связаны не с неравным доступом к цифровым устройствам, а с различиями в социально-экономических позициях индивидов, в их образовательных траекториях и характере использования Интернета (учебные, трудовые, финансовые и досуговые практики).

Еще одно направление исследований связано с анализом цифрового неравенства и его пересечения с другими формами неравенства. В отдельных работах указывается, что цифровой разрыв способен усиливать социально-экономическое неравенство, хотя по показателям базового доступа к Интернету разрыв между городскими и сельскими территориями постепенно сокращается [11].

Таким образом, сегодня исследовательская повестка в области цифровизации российского общества преимущественно сосредоточена на анализе отдельных интернет-практик, уровней цифровых навыков, а также территориальных и межпоколенческих различий. При этом социально-экономический статус интернет-пользователей — как самостоятельный объект исследования — остается недостаточно концептуализированным и редко попадает в фокус эмпирического анализа. Вместе с тем в условиях массового распространения Интернета в России особую актуальность приобретает анализ того, в какой степени показатели социально-экономического статуса продолжают объяснять уровень использования Интернета и как меняется характер этой взаимосвязи во времени. Для этого необходима эмпирическая проверка на длительном временном интервале, поскольку при таком условии становятся возможными отслеживание перехода цифрового неравенства первого уровня к его более сложным формам, а также оценка того, в какой степени показатели социально-экономического статуса в настоящее время позволяют объяснять эти формы неравенства в российском контексте.

Исследовательские ограничения и гипотезы

В работе используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS HSE)⁴ за 2003–2024 гг. (выборка по индивидам, с 12-й по 33-ю волну). В нашем иссле-

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайт обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms>

довании мы старались охватить максимально возможный временной период для оценки изменений социально-экономического статуса интернет-пользователей начиная с 2003 г. (в этом году в анкете РМЭЗ НИУ ВШЭ впервые появляется блок вопросов об использовании Интернета).

При формировании аналитической базы данных были заданы следующие ограничения. Во-первых, респонденты, отрицательно ответившие на вопрос о наличии персонального компьютера и участвовавшие в опросе до 2012 г., технически не могли попасть в число интернет-пользователей. Это связано с изменением методологии составления опросника РМЭЗ НИУ ВШЭ: до 2011 г. включительно вопрос об использовании Интернета задавался только при наличии персонального компьютера, который в тот период рассматривался как основной способ доступа к сети. Во-вторых, из анализа были исключены респонденты моложе 14 лет.

В настоящей статье будем придерживаться понятия «социально-экономический статус» как собирательного, состоящего из трех элементов: уровня дохода, уровня образования и профессиональной квалификации. В исследовании используется подход к анализу социально-экономического статуса интернет-пользователей путем выделения когорт на основе временных периодов, в которых респонденты впервые стали использовать Интернет.

Были определены следующие временные периоды: 2003–2006 гг., 2007–2011 гг., 2012–2024 гг. Такое деление основано прежде всего на этапах распространения и уровне институционализации Интернета в России. Выше было отмечено, что исследователи обращают внимание на исторические периоды его развития. Период 2003–2006 гг. соответствует раннему расцвету интернет-эпохи в стране, когда сетью, по разным оценкам, пользовались от 10 до 20% населения. Период 2007–2011 гг. отражает ускоренное развитие домашнего Интернета, появление интернет-инфраструктуры в большинстве регионов России, первые проекты в области государственных онлайн-услуг, а численность интернет-пользователей в те годы составляла от 25 до 50% населения. Начиная с 2012 г., по оценкам доступных источников информации, доля интернет-пользователей в России превышала 50% населения. В то же время первая половина 2010-х гг. ознаменовалась массовым распространением мобильного Интернета, смартфонов и различных цифровых платформ.

В рамках исследования проверяются следующие гипотезы.

Н1: Индивиды, которые начали использовать Интернет в 2003–2006 гг., изначально имели более высокие показатели социально-экономического статуса по сравнению с теми, кто стал использовать Интернет в более поздние периоды.

Н2: Рост доходов индивидов из более ранних когорт выше, чем из поздних.

Н3: Внутри первой когорты пользователи, которые обладают более высокими показателями социально-экономического статуса, выходят в Интернет с более разнообразными целями.

Н4: Влияние показателей социально-экономического статуса на факт доступа к Интернету ослабевает со временем.

На рисунке 1 приведена динамика численности интернет-пользователей в России в 2003–2024 гг., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, Росстата⁵ и Всемирного банка⁶.

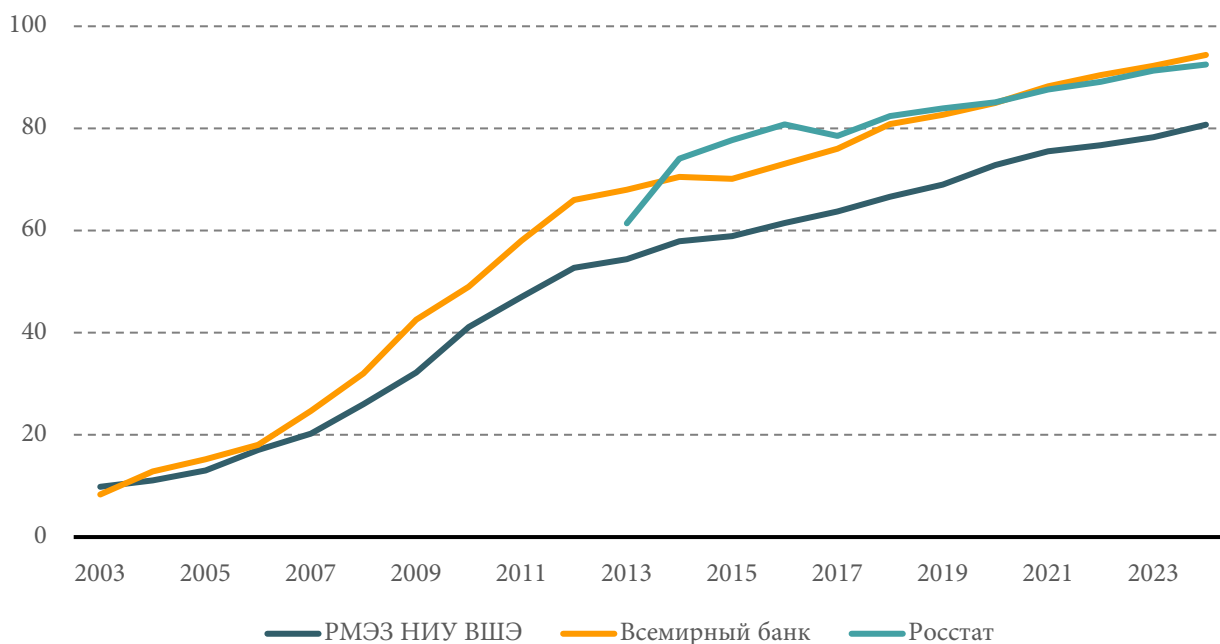

Рис. 1. Доля интернет-пользователей в России в 2003–2024 гг.,
% от численности населения

За наблюдаемый период доля интернет-пользователей в России возросла с 8–9 до 80–90% от численности населения страны в возрасте от 14–15 лет (в зависимости от методологии конкретного источника), что свидетельствует о высоких темпах проникновения Интернета в России за последние 20 лет.

Отметим, что методология отнесения респондентов к интернет-пользователям в представленных источниках различается: Всемирный банк учитывает частоту использования не менее 1 раза за 3 месяца перед опросом, в то время как РМЭЗ НИУ ВШЭ и Росстат — не менее 1 раза за 12 месяцев перед опросом. Разрыв между данными РМЭЗ НИУ ВШЭ, Росстата и Всемирного банка, вероятно, также обусловлен методологическими различиями. Панельный характер данных РМЭЗ НИУ ВШЭ и более полная представленность социально уязвимых групп населения могут приводить к более низким долям интернет-пользователей (разрыв составляет в среднем 10 п. п.).

Также наблюдения Росстата по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей начинаются лишь с 2013 г., когда в России были приняты ряд федеральных нормативно-правовых документов, посвященных развитию «информационного общества» в стране.

⁵ Росстат. Информационное общество. Статистические показатели. — URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения 10.02.2026).

⁶ World Bank. World Development Indicators. DataBank. — URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения 10.02.2026).

Распределение выборки на когорты

В таблице 1 представлено распределение респондентов на когорты.

Таблица 1

Наполненность когорт интернет-пользователей

Номер когорты	Когорта 1	Когорта 2	Когорта 3
Годы	2003–2006	2007–2011	2012–2024
Наполненность, чел.	2562	8520	13831
Доля от общей выборки, %	10,3	34,2	55,5

Данные, приведенные на рисунке 2, отображают смещение возрастного распределения интернет-пользователей в сторону старших возрастных групп по мере формирования более поздних когорт⁷. В первой когорте медианный возраст составляет 26 лет (квартильный размах — от 20 до 36 лет); во второй медианный возраст увеличивается до 30 лет (квартильный размах — от 22 до 42 лет); в третьей медианный возраст достигает 34 лет (квартильный размах — от 22 до 50 лет). Таким образом, представленная возрастная структура по когортам отражает рост включенности всех возрастных групп населения России в пользование Интернетом за рассматриваемый период.

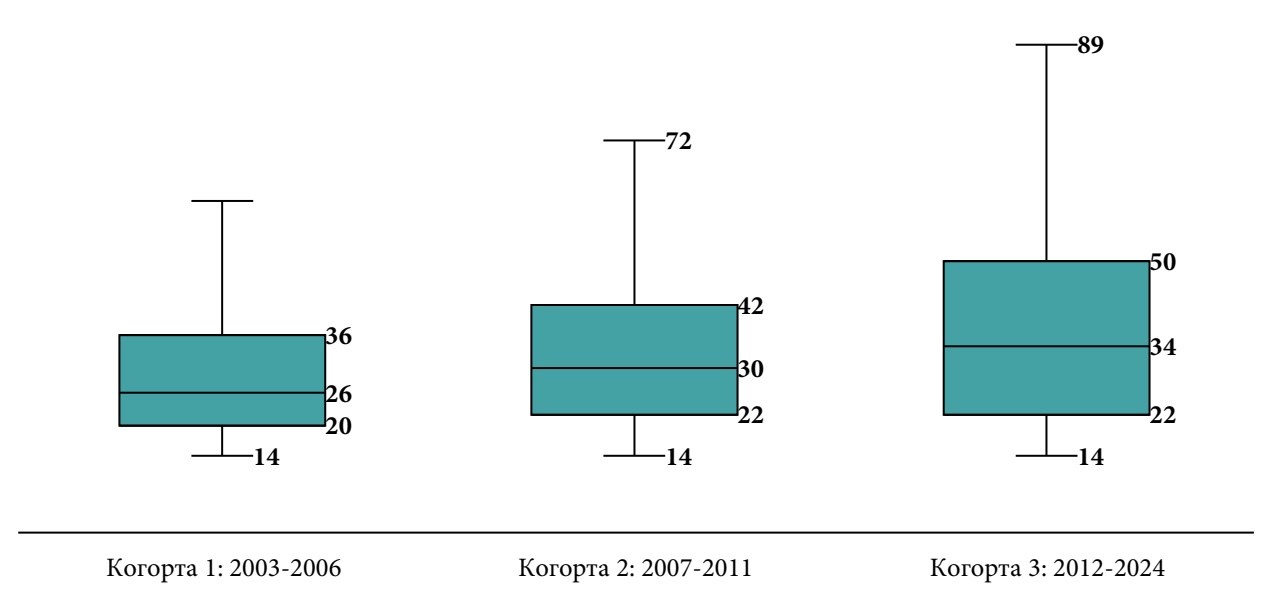

Рис. 2. Возрастная структура интернет-пользователей в когортах

⁷ Для оценки статистической значимости различий в возрасте между когортами был применен дисперсионный анализ (ANOVA) и построены графики со столбцами ошибок, отражающими доверительные интервалы средних значений. Полученные результаты свидетельствуют о статистически значимых различиях между когортами, при этом доверительные интервалы средних значений не перекрываются.

Дальнейший анализ и проверка выдвинутых в исследовании гипотез будут проведены на переменных, отражающих показатели социально-экономического статуса интернет-пользователей. В работе используются следующие показатели: доход по основному месту работы (приведенный к ценам 2024 г.), уровень образования и профессиональная группа.

Проверка гипотезы H1: индивиды, которые начали использовать Интернет в период 2003–2006 гг., изначально имели более высокие показатели социально-экономического статуса по сравнению с теми, кто начал использовать Интернет в более поздних периодах

В рамках проверки данной гипотезы анализировались показатели респондентов на момент первого года использования ими Интернета, зафиксированного в исследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ (табл. 2).

Таблица 2

Средний доход интернет-пользователей в год первого использования ими Интернета, распределение по когортам, руб. (приведены к ценам 2024 г.)

Когорта	Средний доход	95%-ные доверительные интервалы
Когорта 1: 2003–2006	44 383,64	42 312,35 – 46 454,92
Когорта 2: 2007–2011	45 409,71	44 402,08 – 46 417,33
Когорта 3: 2012–2024	46 403,93	45 528,30 – 47 279,55

Перекрытие доверительных интервалов указывает на отсутствие статистически значимых различий в средних доходах между когортами. Отметим при этом, что наблюдаемый рост среднего дохода в когортах может в значительной степени отражать общеэкономическую динамику и структурные изменения в доходах населения в период с начала 2000-х до 2010-х гг.

Более заметны различия между когортами в разрезе уровня образования интернет-пользователей в год первого использования Интернета⁸ (рис. 3).

Как можно заметить, внутри первой когорты наблюдается наибольшая доля респондентов с законченным высшим образованием (около 35%), тогда как внутри третьей когорты эта доля минимальна (22–23%). В то же время по мере распространения Интернета среди населения увеличивается доля интернет-пользователей со средним уровнем образования, достигая максимальных значений в третьей когорте. Таким образом, с течением времени включенность в интернет-среду становится менее селективной по уровню образования.

⁸ Проверка критерия хи-квадрат Пирсона подтверждает статистически значимые различия в распределении уровней образования между когортами ($\chi^2 = 738,999$; $p < 0,001$).

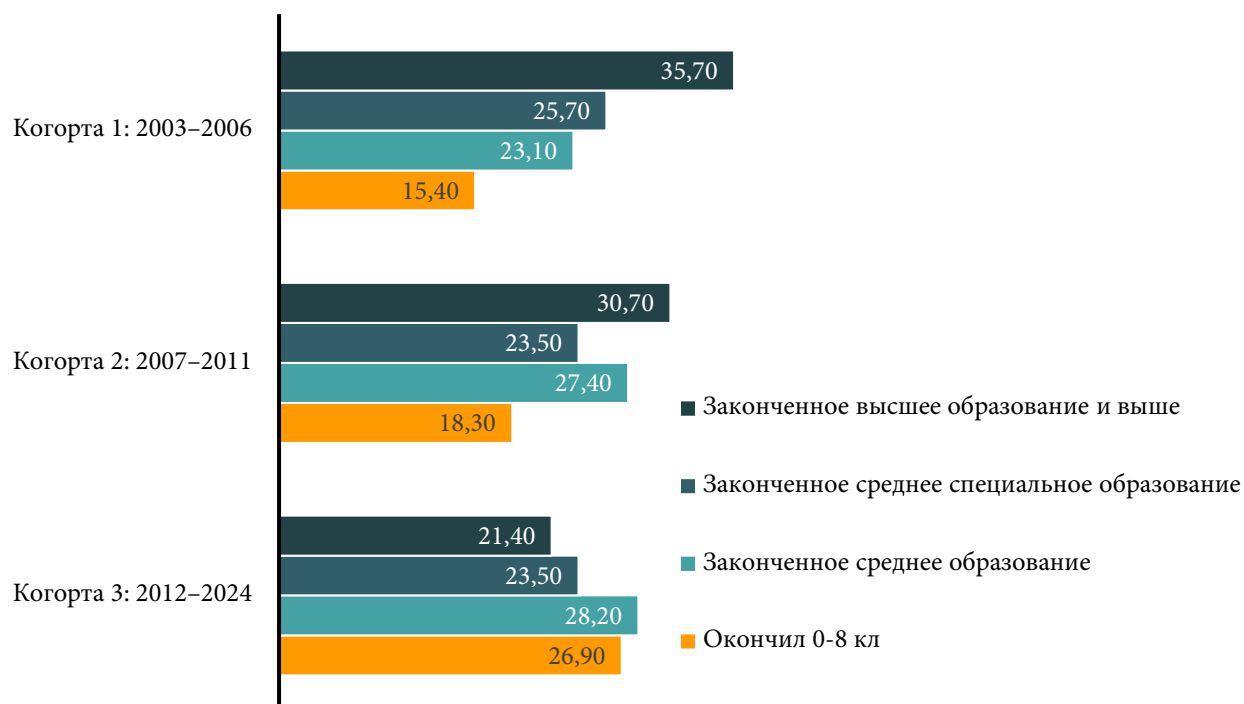

Рис. 3. Уровень образования интернет-пользователей в год первого использования Интернета: распределение по когортам, % внутри каждой когорты (сумма по строке = 100%)

Иным способом анализа респондентов по уровню образования является подсчет среднего количества лет, инвестированных в образование. Такой подход позволяет превратить образовательную компоненту в метрический показатель, количественно отследить различия в образовании, тогда как категориальная шкала может не учитывать особых различий внутри одной образовательной категории. В данных РМЭЗ НИУ ВШЭ зафиксированы следующие образовательные ступени респондентов: учеба на профессиональных курсах; учеба в ПТУ, ФЗУ, ФЗО без и со средним образованием; учеба в техникуме, медицинском, музыкальном, педагогическом, художественном училище; учеба в институте, университете, академии; учеба в аспирантуре, ординатуре. В таблице 3 приведены показатели среднего количества лет, инвестированных в образование, в год первого использования Интернета для каждой когорты.

Таблица 3

Среднее количество лет, инвестированных в образование, в год первого использования Интернета

Когорта	Среднее количество лет, инвестированных в образование	95%-ные доверительные интервалы
Когорта 1: 2003–2006	13,68	13,55 – 13,80
Когорта 2: 2007–2011	13,18	13,11 – 13,24
Когорта 3: 2012–2024	12,06	12,00 – 12,11

Разница между первой и третьей когортами составляет более полутора лет обучения, что существенно в рамках образовательных траекторий.

Рассмотрим различия в профессиональной структуре внутри когорт⁹ (рис. 4).

Рис. 4. Профессиональные группы интернет-пользователей в год первого использования Интернета: распределение по когортам, % внутри каждой когорты (сумма по строке = 100%)

В ранних когортах доминируют специалисты высшего и среднего уровней квалификации, тогда как в более поздних когортах возрастает доля работников торговли и услуг, офисных служащих, а также квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Полученные результаты свидетельствуют о снижении профессиональной селективности Интернета по мере его массового распространения.

Подводя итоги проверки гипотезы Н1, согласно которой индивиды, начавшие использовать Интернет в 2003–2006 гг., имели в тот период более высокие показатели социально-экономического статуса, отметим, что она находит частичное эмпирическое подтверждение. Представители первой когорты характеризуются более высоким уровнем образования, большей продолжительностью обучения и преобладанием высококвалифицированных профессиональных групп. В то же время различия по уровню дохода выражены существенно слабее и могут быть обусловлены макроэкономическими факторами соответствующего временного периода.

Проверка гипотезы Н2: *рост доходов индивидов из более ранних когорт выше, чем у поздних*

Данная гипотеза отчасти соотносится с гипотезой Н1, однако учитывает исключительно доходную компоненту социально-экономического статуса интернет-пользователей. Выше было отмечено, что при анализе показателей социально-экономического статуса в первый год использования Интернета не было выявлено существенно значимых различий в среднем доходе респондентов.

⁹ Профессиональная структура интернет-пользователей существенно различается между когортами, что подтверждается результатами критерия хи-квадрат Пирсона ($\chi^2 = 664,551$; $p < 0,001$).

Перейдем к анализу кривых дохода для каждой когорты на протяжении всего рассматриваемого периода (2003–2024 гг.). Для каждой когорты были рассчитаны средний доход в каждый год, а также соответствующие доверительные интервалы (рис. 5).

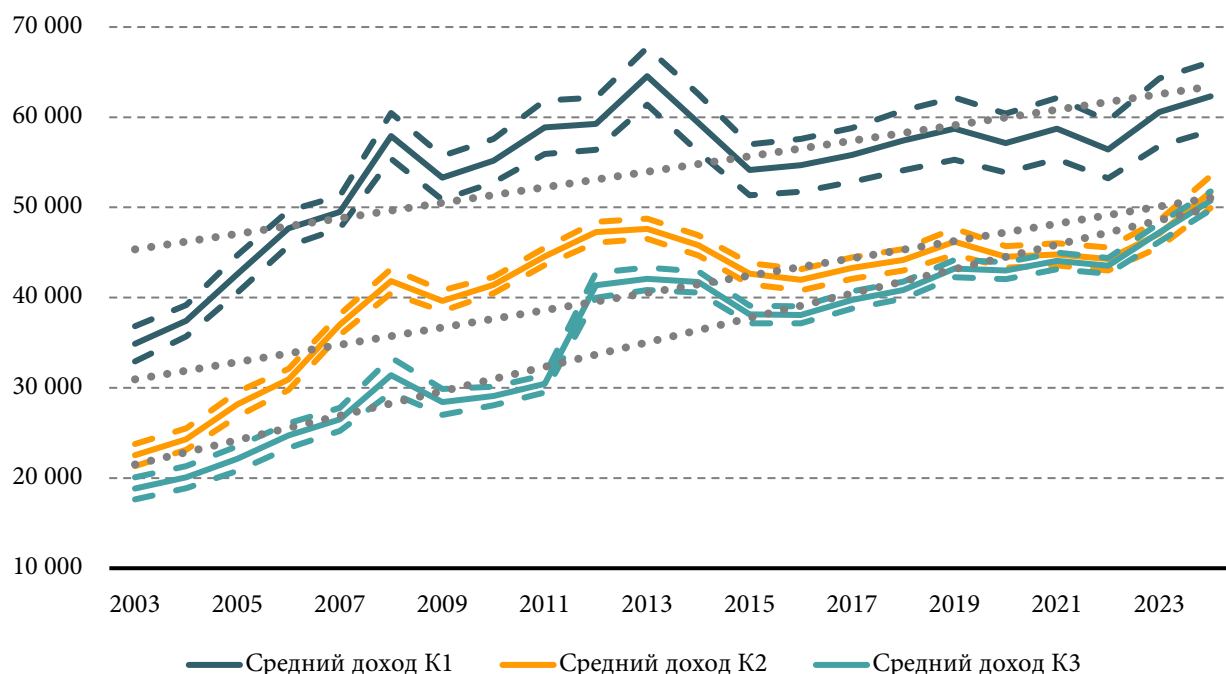

Рис. 5. Динамика средних доходов в когортах, руб.

Для каждой когорты характерен общий макроэкономический тренд: рост в середине 2000-х гг., снижение в кризисные периоды (2008, 2014 гг.), а также последующая нормализация тренда. Это указывает на доминирующее влияние макроэкономических факторов, формирующих доходные кривые независимо от времени первого использования Интернета.

На протяжении всего периода средний доход респондентов первой когорты остается выше по сравнению с остальными, а в третьей когорте фиксируются наименьшие значения доходов. При этом различия между средними доходами респондентов из второй и третьей когорт имеют менее устойчивый характер, а примерно с 2018 г. сокращаются. В то же время расширение доверительного интервала для доходов респондентов первой когорты может указывать на неоднородность группы по уровню дохода.

Результаты показали, что различия в средних доходах между первой и остальными двумя когортами являются статистически значимыми, в то время как различия в средних доходах между второй и третьей когортами в основном статистически незначимы, на что также указывает перекрытие доверительных интервалов.

По построенным линиям тренда видно, что рост доходов респондентов первой когорты не выше, чем у остальных. В целом анализ кривых дохода показывает, что различия между когортами интернет-пользователей по доходу имеют ограниченный характер, во многом обусловленный общим доходным трендом

в стране. Предполагая, что использование Интернета в 2003–2006 гг. требовало больших финансовых ресурсов (абонентская плата, техническое оснащение), можно отметить, как сформулированный Р. Мертоном «эффект Матфея» отражается на общей ситуации с динамикой средних доходов в когортах: наиболее доходные группы в начале 2000-х гг. аккумулируют внутри себя все больше ресурсов, чем остальные. Таким образом, гипотеза Н2 не находит подтверждения в рамках нашего исследования.

Проверка гипотезы Н3: *внутри первой когорты пользователи, которые обладают более высокими показателями социально-экономического статуса, выходят в Интернет с более разнообразными целями*

Для проверки гипотезы Н3 необходимо ограничить наблюдения временным отрезком 2003–2006 гг. При этом были отобраны уникальные идентификаторы респондентов. В рамках проверки данной гипотезы воспользуемся процедурой кластеризации через метод k -средних, а среди оснований для кластеризации отберем вопросы о целях использования Интернета, которые присутствовали в опроснике РМЭЗ НИУ ВШЭ в рассматриваемый период (см. табл. 4).

Таблица 4

Результаты кластеризации интернет-пользователей методом k -средних

Использование Интернета...	Кластер 1 ($N = 1505$)	Кластер 2 ($N = 771$)	Кластер 3 ($N = 592$)
для учебы	0	0	0
для работы	1	1	0
для развлечений	1	0	1
для общения с другими людьми	1	0	0
для получения информации о новостях	1	0	0
для расширения кругозора, повышения своего культурного уровня	1	0	0
для получения справочных материалов	1	1	0
для покупок, получения товаров и услуг	0	0	0

Исходя из результатов кластеризации, отметим, что в первый кластер попали респонденты, использующие Интернет для шести целей, во второй кластер — для двух целей, а в третий кластер — для одной цели.

Предполагаем, что представители первого кластера могут характеризоваться более высокими показателями социально-экономического статуса, связанными с наиболее разнообразным использованием Интернета, включая учебные, профессиональные и информационные цели. В то же время во второй кластер попали респонденты, использующие сеть для работы и получения справочных материалов, что можно назвать функциональным использованием. Представители третьего кластера используют Интернет лишь для развлечений, а также образуют наименее наполненный кластер.

Сравнивать кластеры предлагаем также по таким показателям, как доход, уровень образования и профессиональная группа. Для оценки различий по уровню дохода между кластерами был использован непараметрический критерий Краскела — Уоллиса. Результаты теста указали на наличие статистически значимых различий в уровне дохода между кластерами¹⁰.

Далее рассмотрим образовательную характеристику, укрупнив изначальную шкалу до двух категорий (наличие или отсутствие высшего образования) (см. табл. 5).

Таблица 5

Таблица сопряженности образование/кластеры, % по столбцу

Образование	Кластер 1 (N = 1504)	Кластер 2 (N = 771)	Кластер 3 (N = 592)	Всего, чел.
Нет высшего образования	54,7	53,7	84,8	1738
Есть высшее образование	45,3	46,3	15,2	1129

При распределении по уровню образования выявляются существенные различия между выделенными кластерами¹¹. Среди респондентов с высшим уровнем образования наибольшая доля приходится на второй кластер (46,3%), тогда как на третий кластер — лишь 15,2%. Среди респондентов без высшего образования доли представлены тоже неравномерно, при этом наибольшая — в третьем кластере (84,8%). Аналогично ситуация и с анализом в разрезе профессиональных категорий (табл. 6)¹².

Таблица 6

Таблица сопряженности профессиональная категория/кластеры, % по столбцу

Профессиональная категория	Кластер 1 (N = 1049)	Кластер 2 (N = 581)	Кластер 3 (N = 248)	Всего, чел.
Категория высшей квалификации	75,4	73,1	36,3	1306
Категория средней квалификации	23,3	25,0	59,3	536
Категория низкой квалификации	1,3	1,9	4,4	36

Большая доля работников высшей профессиональной категории сосредоточена внутри первого кластера (75,4%), тогда как третий кластер представлен меньше (36,3%). Среди работников среднего уровня квалификации наблюдается более равномерное распределение по (первым двум) кластерам, однако наибольшая доля

¹⁰ Анализ средних рангов дохода показывает, что наибольшие значения дохода характерны для первого кластера (средний ранг — 900,21), далее следует второй кластер (788,84), тогда как третий кластер характеризуется наименьшими значениями дохода (683,29).

¹¹ Подтверждается результатами критерия χ^2 Пирсона ($\chi^2(2) = 182,87; p < 0,001$).

¹² Данная переменная также была укрупнена в три категории: к первой категории отнесены законодатели, чиновники и руководители высшего и среднего уровня квалификации; ко второй категории — офисные служащие, работники сферы торговли и услуг, квалифицированные рабочие; к третьей категории — неквалифицированные рабочие всех отраслей.

Профессиональная структура респондентов статистически значимо различается между кластерами ($\chi^2(4) = 150,70; p < 0,001$).

сосредоточена в третьем кластере. Категория низкой квалификации характеризуется наименьшей численностью респондентов, что ограничивает возможности ее содержательной интерпретации.

Подводя итоги проверки гипотезы Н3, можно утверждать, что она подтвердилась. Первый кластер, образованный из респондентов, использующих Интернет наиболее универсально, составили респонденты, обладающие большими доходами, более высоким уровнем образования и более высокой профессиональной категорией.

Проверка гипотезы Н4: влияние показателей социально-экономического статуса на факт использования Интернета ослабевает со временем

Заключительная гипотеза Н4 в нашем исследовании выкристаллизовывается из результатов проверки предыдущих гипотез. Мы зафиксировали, что респонденты первой когорты обладали более высоким уровнем образования и профессиональной квалификации, чем респонденты других когорт, в то же время значимых различий в доходах между когортами обнаружено не было. Наоборот, они стирались на протяжении рассматриваемого периода. Следовательно, предполагаем, что такой фактор динамики социально-экономического статуса, как использование Интернета, мог потерять свою силу за последние годы. Отметим, что ограничением данной гипотезы является то, что в моделях использование Интернета не детализируется по конкретным целям, а учитывается сам факт его использования индивидом.

Для проверки гипотезы Н4 будем использовать бинарную логистическую регрессию в анализе всех рассматриваемых показателей социально-экономического статуса и интерпретацию гамма-коэффициентов для порядковых шкал уровня образования и профессиональной категории.

Начиная с логистической регрессии, мы определили в качестве зависимой переменной использование Интернета; в качестве независимых переменных — наличие/отсутствие высшего образования, принадлежность к профессиональной категории (три категории с опорой на третью), доход; в качестве контрольных переменных — пол, возраст, тип населенного пункта (две категории: «город» (областной центр и город) и «село» (ПГТ и село). Для оценки качества модели также приводятся значения *R*-квадрат Найджелкерка (Nagelkerke R-squared) и количество включенных в анализ наблюдений по каждому году. Результаты приведены в таблице 7.

Сразу отметим некоторые методологические особенности для дальнейшей интерпретации. Во-первых, исходя из немногочисленности интернет-пользователей в начале 2000-х гг. и стремительно увеличивающейся их доли в 2010-х гг., предсказательная способность модели хуже для группы пользователей 2000-х гг. и, соответственно, для тех, кто не использовал Интернет, в 2010-х гг. Во-вторых, начиная с 2019 г. доля правильных предсказаний «нет» стала составлять менее 10%, поэтому было принято решение не интерпретировать показатели модели после 2019 г.

В начале 2000-х гг. наличие высшего образования являлось сильным предиктором использования Интернета: значения отношения шансов стабильно были меньше единицы, что указывает на более низкую вероятность использования Интернета респондентами без высшего образования. Аналогично принадлежность

к профессиональным группам с более низким уровнем квалификации снижает вероятность использования Интернета. Начиная с 2010-х гг. отношения шансов для образования и профессиональных категорий приближаются к единице, а их влияние на вероятность использования Интернета становится менее выраженным.

Таблица 7

Влияние показателей социально-экономического статуса на использование Интернета по годам, 2003–2018 гг.

Год опроса	Оценки отношений шансов для независимых переменных социально-экономического статуса							Показатели качества модели	
	Пол	Возраст	Тип населенного пункта	Образование	Категория высшей квалификации	Категория средней квалификации	Доход	R-квадрат Найджел-керка	Включено в анализ
2003	1,574***	1,062***	3,682***	0,339***	0,390***	$p > 0,05$	1,000***	0,304	2720
2004	1,531***	1,060***	3,362***	0,311***	0,243***	$p > 0,05$	1,000***	0,309	3097
2005	1,434***	1,053***	3,735***	0,345***	0,300***	$p > 0,05$	1,000***	0,291	3149
2006	1,558***	1,066***	3,357***	0,346***	0,360***	$p > 0,05$	1,000***	0,338	4105
2007	1,320***	1,062***	2,633***	0,328***	0,186***	0,489***	1,000***	0,336	4369
2008	$p > 0,05$	1,066***	2,182***	0,333***	0,219***	$P > 0,05$	1,000***	0,338	4721
2009	$p > 0,05$	1,067***	2,374***	0,309***	0,235***	0,619***	1,000***	0,366	4832
2010	$p > 0,05$	1,072***	2,553***	0,301***	0,224***	0,597***	1,000***	0,361	7514
2011	$p > 0,05$	1,078***	2,158***	0,285***	0,202***	0,477***	1,000***	0,352	7928
2012	0,783***	1,083***	2,171***	0,303***	0,236***	0,635***	1,000***	0,345	8241
2013	0,769***	1,086***	1,938***	0,274***	0,220***	0,563***	1,000***	0,340	8198
2014	0,716***	1,088***	2,347***	0,218***	0,192***	0,491***	1,000***	0,344	7106
2015	0,672***	1,087***	2,049***	0,281***	0,198***	0,478***	1,000***	0,342	7035
2016	0,596***	1,085***	2,128***	0,305***	0,251***	0,542***	1,000***	0,317	7219
2017	0,612***	1,088***	1,791***	0,282***	0,164***	0,462***	1,000***	0,315	7296
2018	0,667***	1,088***	1,765***	0,217***	0,160***	0,530***	1,000***	0,310	7033

*** $p < 0,001$.

Несмотря на статистическую значимость коэффициентов, отношения шансов для дохода также стремятся к единице. Это позволяет сделать вывод: доход не обладает существенной объяснительной силой в отношении использования Интернета ни на ранних, ни на поздних этапах его распространения.

Возраст и тип населенного пункта на протяжении рассматриваемого периода сохраняли значимое влияние на вероятность использования Интернета. Более молодые жители городских населенных пунктов стабильно имеют более высокие шансы быть интернет-пользователями, при этом в первые наблюдаемые годы наиболее выраженным коэффициент был у типа населенного пункта, значение которого уменьшилось к 2018 г. Так, можно констатировать, что цифровой геогра-

фический разрыв за рассматриваемый период сократился сильнее, чем возрастной. Гендерные различия в вероятности использования Интернета демонстрируют нелинейную динамику. В начале 2000-х гг. женщины имели более высокие шансы быть интернет-пользователями по сравнению с мужчинами, однако в период массового распространения Интернета данный эффект нивелируется. Начиная с 2010-х гг. наблюдается обратная тенденция: при контроле социально-экономических характеристик женщины имеют статистически значимо более низкую вероятность использования Интернета. Это может свидетельствовать о трансформации гендерных различий — от неравенства доступа к различиям в характере и интенсивности использования цифровых технологий.

Таким образом, результаты регрессионного анализа позволяют сделать предварительный вывод: наибольшее снижение объяснительной силы в отношении факта использования Интернета продемонстрировали такие показатели социально-экономического статуса, как образование и профессиональная принадлежность, тогда как влияние фактора пола имеет асимметричный и меняющийся во времени характер, а роль дохода остается устойчиво слабой на протяжении всего рассматриваемого периода. Проанализируем значения гамма-коэффициентов для профессии и образования (табл. 8).

Оценка связи между переменными через интерпретацию гамма-коэффициентов позволяет оценить направление и силу связи между порядковыми переменными и фактом использования Интернета. Здесь, в отличие от предыдущего этапа исследования, переменные профессии и образования не укрупнялись и используются в первоначальном варианте (имеют более пяти категорий).

Как можно заметить, во всех когортах и практически на всем протяжении рассматриваемого периода наблюдается положительная связь между профессиональной категорией и использованием Интернета: более высокие профессиональные категории связаны с большей вероятностью интернет-включенности. При этом сила данной связи различается между когортами.

В первой когорте значения коэффициентов для профессий в 2000-х гг. находятся в диапазоне от умеренных до достаточно высоких, что указывает на выраженную связь профессиональной категории и использования Интернета. Однако начиная с середины 2010-х гг. связь становится менее устойчивой — коэффициенты теряют статистическую значимость. Это свидетельствует о снижении профессиональной компоненты в определении интернет-пользователей внутри данной когорты. В то же время для второй и третьей когорт значения гамма-коэффициентов для профессии остаются статистически значимыми во все рассматриваемые годы наблюдений. Более того, в обеих когортах значения коэффициентов существенно увеличились к 2024 г. по сравнению с 2007 и 2012 гг.

Гамма-коэффициенты для образования демонстрируют отрицательные значения во всех когортах и во все годы, что связано со спецификой кодировки исходной переменной. Более высокому значению соответствует более высокий уровень образования. Таким образом, более высокий уровень образования связан с большей вероятностью использования Интернета.

Таблица 8

Образование и профессиональная квалификация как факторы использования Интернета: различия по когортам, 2003–2024 гг.¹³

Год	Когорта 1		Когорта 2		Когорта 3	
	Профессиональная квалификация	Образование	Профессиональная квалификация	Образование	Профессиональная квалификация	Образование
2003	0,241***	–0,239***	—	—	—	—
2004	0,298***	–0,263***	—	—	—	—
2005	0,228***	–0,205***	—	—	—	—
2006	0,222***	p>0,05	—	—	—	—
2007	0,353***	–0,134***	0,277***	–0,048	—	—
2008	0,368***	–0,276***	0,262***	–0,144***	—	—
2009	0,427***	–0,367***	0,240***	–0,142***	—	—
2010	0,398***	–0,405***	0,273***	–0,132***	—	—
2011	0,443***	–0,440***	0,193***	–0,044	—	—
2012	0,468***	–0,413***	0,311***	–0,106***	0,325***	–0,117***
2013	0,467***	–0,415***	0,341***	–0,189***	0,338***	–0,108***
2014	0,575***	–0,462***	0,437***	–0,207***	0,355***	–0,074***
2015	0,411	–0,481***	0,401***	–0,256***	0,361***	–0,112***
2016	0,472***	–0,443***	0,413***	–0,246***	0,358***	–0,107***
2017	0,268	–0,376	0,467***	–0,342***	0,412***	–0,128***
2018	0,481	–0,354	0,480***	–0,317***	0,451***	–0,161***
2019	0,190	–0,165	0,476***	–0,284***	0,409***	–0,124***
2020	0,640	–0,183	0,550***	–0,286***	0,401***	–0,138***
2021	0,833	–0,283	0,516***	–0,287***	0,455***	–0,156***
2022	0,796	0,001	0,590***	–0,321***	0,486***	–0,162***
2023	0,591	–0,053	0,590***	–0,245***	0,513***	–0,165***
2024	0,472	–0,024	0,570***	–0,257***	0,475***	–0,127***

*** $p < 0,001$.

Для первой когорты, как и в случае с профессией, фактор образования теряет статистическую значимость с середины 2010-х гг. При этом до 2017 г. значения гамма-коэффициента указывали на сильную связь между использованием Интернета и уровнем образования. Во второй и третьей когортах связь между образованием и использованием Интернета остается статистически значимой во все годы наблюдения, однако ее сила ниже, чем в первой когорте.

В совокупности анализ гамма-коэффициентов подтверждает выводы, полученные на основе логистической регрессии. На ранних этапах распространения Интернета его использование было тесно связано с такими показателями соци-

¹³ Категории «Профессиональная квалификация» и «Образование» — порядковые: «Профессиональная квалификация» — от высокой к низкой, «Образование» — от неоконченного среднего до высшего и выше.

ально-экономического статуса, как уровень образования и профессиональная квалификация, тогда как в настоящее время данные связи ослабевают и теряют устойчивый характер. Таким образом, полученные результаты подтверждают выдвинутую ранее гипотезу о том, что объяснительная сила социально-демографических факторов в отношении использования Интернета существенно снизилась по мере его трансформации в повседневную практику.

Заключение

В исследовании рассмотрена прежде всего проблематика связи между использованием Интернета и социально-экономическим статусом интернет-пользователей в России. Важно подчеркнуть: в фокусе анализа была проверка того, в какой мере именно социально-экономический статус (доход, уровень образования и профессиональная квалификация) объясняет факт использования Интернета. В центре внимания находилась динамика социально-экономического статуса пользователей за 2003–2024 гг. Накопленный объем теоретических знаний и результаты эмпирических исследований позволили нам сформулировать несколько гипотез, проверка которых, как представляется, вносит вклад в научную разработанность актуальной и обширной области социологического знания о связи цифровизации повседневности и процессов социальной стратификации в России.

Во-первых, мы выявили, что когорта интернет-пользователей 2003–2006 гг. в стартовый период использования Интернета характеризовалась более высокими уровнями образования и профессиональной квалификации по сравнению с когортами 2007–2011 гг. и 2012–2024 гг. В то же время различия в уровне дохода между когортами в стартовом периоде использования Интернета оказались выражены заметно слабее. Во-вторых, было зафиксировано, что рост доходов ранних интернет-пользователей не превышает аналогичные показатели у других когорт, а выявленные различия совпадают с общим трендом динамики доходов населения в рассматриваемый период. В-третьих, внутри первой когорты сформировался кластер наиболее универсальных пользователей, обладающих более высокими доходами, уровнем образования и профессиональной квалификацией, что может указывать на воспроизводство социально-экономического статуса в особенностях интернет-практик. Наконец, последняя проверяемая гипотеза также нашла подтверждение: по мере распространения Интернета в стране влияние показателей социально-экономического статуса на сам факт его использования ослабевает. Таким образом, мы заключаем, что социально-экономический статус обладает значимой объяснительной силой в использовании Интернета, однако характер этой связи трансформируется во времени: от выраженной стратификации в 2000-х гг. и начале 2010-х гг. к более сложным формам, изучение которых, в частности, требует анализа дополнительных показателей цифровых навыков интернет-пользователей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горюнов Иван Олегович — аспирант, младший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 (12708). **Электронная почта:** goryunoivan@gmail.com **SPIN-код:** 6967-3095

Дорофеева Злата Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник, Центр лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 (12708). **Электронная почта:** zdorofeeva@hse.ru SPIN-код: 3984-7680

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. Vol. 32. No. 3. P. 55–77. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.3.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.3.3)

Research Article

IVAN O. GORYUNOV¹, ZLATA E. DOROFEEVA²

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

² HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

DYNAMICS AND FEATURES OF THE SOCIO-ECONOMIC STATUS OF INTERNET USERS IN RUSSIA (2003–2024)

Abstract. This article analyzes the dynamics and characteristics of the socio-economic status of internet users in Russia from 2003 to 2024 based on data from the RLMS–HSE. The aim of the study is to assess the extent to which specific indicators of socio-economic status explain an individual's use of the Internet, as well as how this relationship has evolved over the period in question. For the purposes of the study, internet users were divided into cohorts depending on the period in which they first started using the internet. Particular attention is paid to the role of education, professional qualifications and income level as factors explaining internet use. The findings show that people from the first cohort of internet users have higher levels of education and professional qualifications compared to later cohorts, while differences in income between cohorts are less pronounced. The analysis also reveals the existence of a group within the first cohort that is characterized by the most universal patterns of internet use and higher socio-economic status indicators. The results demonstrate that the influence of socio-economic status on internet use weakens over time: while in the 2000's education, professional qualifications and income strongly explained internet use, as internet access expanded in Russia these relationships became less pronounced and more complex.

Keywords: socio-economic status; internet users in Russia; digital divide; cohort analysis; RLMS–HSE.

For citation: Goryunov, I.O., Dorofeeva, Z.E. Dynamics and Features of the Socio-Economic Status of Internet Users in Russia (2003–2024). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 3. P. 55–77. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.3.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.3.3)

Acknowledgements. This work is an output of project HSE-MS-2025-007 implemented at HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan O. Goryunov — Postgraduate Student, Junior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 *12708. **Email:** goryunoivan@gmail.com ORCID: 0009-0000-5987-7358 ResearcherID: IWM-6428-2023

Zlata E. Dorofeeva — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Researcher, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 *12708. **Email:** zdorofeeva@hse.ru ORCID: 0000-0003-2099-624X ResearcherID: T-9563-2018

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. И.Л. Иноземцева. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Academia, 2004. — 788 с. EDN: QOCVVP*
Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Transl. from Eng.; Ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia publ., 2004. 788 p. (In Russ.)

2. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. — 576 с. EDN: [QOENQL](#)
Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Transl. from French and Ed. by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology publ.; St. Petersburg: Aleteiya publ., 2005. 576 p. (In Russ.)
3. Горюнов И.О. Интернет-практики и социально-экономическое положение в контексте цифрового неравенства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 3 (79). С. 196–207. DOI: [10.52452/18115942_2025_3_196](#) EDN: [XTUAWL](#)
Goryunov I.O. Internet Practices and Socio-Economic Status in the Context of Digital Inequality. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Series: Social Sciences*. 2025. No. 3 (79). P. 196–207. DOI: [10.52452/18115942_2025_3_196](#) (In Russ.)
4. Горюнов И.О. Типологизация интернет-пользователей в России на основе целей и мотивов сетевой активности // Теория и практика общественного развития. 2025. № 8 (208). С. 102–112. DOI: [10.24158/tipor.2025.8.12](#) EDN: [PKYQIG](#)
Goryunov I.O. Typology of Internet Users in Russia Based on the Goals and Motives of Online Activity. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2025. No. 8 (208). P. 102–112. DOI: [10.24158/tipor.2025.8.12](#) (In Russ.)
5. Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 43–64. DOI: [10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64](#) EDN: [ZGENLF](#)
Dobrinskaya D.E. Sociological Understanding of the Internet: Theoretical Approaches to Network Research. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18. Sociology and Political Science*. 2016. No. 4. P. 43–64. DOI: [10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64](#) (In Russ.)
6. Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества: коллективная монография / Е.А. Стрельцова (рук. авт. колл.), Л.С. Кузина, В.В. Полякова и др.; Науч. ред. Е.А. Стрельцова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. — 188 с. DOI: [10.17323/978-5-7598-3112-9](#) EDN: [GIXFDG](#)
Life Online: Digital Transformation of Russian Society: collective monograph. Ed. by E.A. Streltsova. Moscow: Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University publ., 2025. 188 p. DOI: [10.17323/978-5-7598-3112-9](#) (In Russ.)
7. Кастельс М. Галактика Интернет / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с. EDN: [QTKHYD](#)
Castells M. *The Internet Galaxy*. Transl. from Eng. by A. Matveev, Ed. by V. Kharitonov. Yekaterinburg: U-Faktoriya publ., 2004. 328 p. (In Russ.)
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Transl. from Eng., Ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: HSE, 2000. 608 p. (In Russ.)
9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; Под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с. EDN: [SYZVMJ](#)
Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Transl. from Eng. by I. Polonskaya, Ed. by S. Gavrilenko. Moscow: HSE University Publishing House, 2014. 384 p. (In Russ.)

10. Радаев В.В. Вовлеченность в использование гаджетов и новые формы зависимости: межпоколенческий анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2025. № 28 (4). С. 80–126. DOI: [10.31119/jssa.2025.28.4.5](https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.5) EDN: [KFJQOO](https://www.edn.ru/10.31119/jssa.2025.28.4.5)
Radaev V.V. Engagement in Gadget Use and New Forms of Dependence: A Cross-Generational Analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 80–126. DOI: [10.31119/jssa.2025.28.4.5](https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.5) (In Russ.)
11. Садырtdинов Р.Р., Варламова Ю.А., Еремеева Е.А. Цифровой разрыв между сельскими и городскими домохозяйствами в России // *ArsAdministrandi* (Искусство управления). 2025. Т. 17. № 3. С. 473–494. DOI: [10.17072/2218-9173-2025-3-473-494](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-3-473-494) EDN: [DSJALI](https://www.edn.ru/10.17072/2218-9173-2025-3-473-494)
Sadyrtdinov R.R., Varlamova Y.A., Eremeeva E.A. The Digital Divide Between Rural and Urban Households in Russia. *Ars Administrandi*. 2025. Vol. 17. No. 3. P. 473–494. DOI: [10.17072/2218-9173-2025-3-473-494](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-3-473-494) (In Russ.)
12. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ., научн. ред. П.С. Гуревич. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 557 с.
Toffler A. *Future Shock*. Transl. from Eng., Ed. by P.S. Gurevich. Moscow: AST publ., 2002. 557 p. (In Russ.)
13. Van Dijk J. *The Deeping Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2005. 240 p. DOI: [10.4135/9781452229812](https://doi.org/10.4135/9781452229812)
14. Van Dijk J. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. 2nd ed. L.: SAGE Publications, 2006. 292 p.
15. Wellman B. *Structural analysis: from method and metaphor to theory and substance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 559–562
16. White H. *Identity and control: a Structural Theory of Social Action*. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 84–92.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026; поступила после рецензирования и доработки: 20.07.2026; принята к публикации: 24.07.2026.

Received: 20.03.2026; revised after review: 20.07.2026; accepted for publication: 24.07.2026.